

От автора

Подобно тому как дети не выбирают родителей, подданные в наследственной монархии не избирают себе государя. Династия Романовых, царствовавшая в России свыше трех столетий, началась и закончилась личностями вполне заурядными, вовсе не подходящими для своей высокой роли. Да и вообще династия эта оказалась бедной на выдающихся государственных деятелей, оставивших заметный след в истории России, — их можно перечислить на пальцах одной руки. Впрочем, оговорюсь: имеется в виду не след вообще, а позитивные плоды деятельности монарха, способного не только ориентироваться в настоящем, решать назревшие задачи, властно диктуемые временем, но и угадывать правильное направление, по которому должна следовать страна, вносить личный вклад в управление ею.

Еще одно свойство натуры выдающегося государственного деятеля — умение угадывать таланты при формировании своей «команды», отличать льстецов, лизоблюдов и тщеславных персон от людей одаренных, верных слуг Отечества, способных не только слепо выполнять повеления человека, стоящего на вершине правительственной пирамиды, но и давать дельные советы, быть компетентным в

порученной им сфере управления, одним словом, не только знать законы, но и уметь их творить.

Таким выдающимся государственным деятелем был Петр I, по праву заслуживший в истории прозвище Великий. Его преемники на русском престоле далеко уступали ему и способностями, и волей. В течение нескольких десятилетий XVIII века, которые историки называют то дамскими царствованиями, то годами безвременья, то эпохой дворцовых переворотов, или «дамских революций», трон занимали люди, использовавшие его для удовлетворения своих личных прихотей, праздного времяпрепровождения, для неги и роскоши, лишенные качеств, свойственных деятелям государственного масштаба, способные лишь царствовать, но не управлять, — Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петр III.

Настоящая книга посвящена царствованию личности, ничем не прославившей Отечество. После кончины Петра Великого его супруга Екатерина Алексеевна — к тому времени уже объявленная императрицей — была возведена на престол, который и занимала в течение двух с половиной лет (1725–1727). Отличавшаяся такими добродетелями, как легкий характер, милосердие и сострадание, Екатерина Алексеевна сумела пленить сердце сурового

супруга, но, находясь рядом с ним в течение двух десятилетий, так и не приобрела навыков управления огромной империей.

Впрочем, Екатерину, несомненно, можно назвать личностью незаурядной. Уже одно то, что бывшая служанка пастора Глюка, пленница фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, а затем Александра Даниловича Меншикова стала первой русской императрицей — редчайший случай в мировой истории, — дает основание выделить ее из числа ординарных людей если не по признакам, свойственным государственным деятелям, то по чисто человеческим свойствам натуры.

Двухлетнее царствование Екатерины I сопровождалось и рядом важных правительственных мер. Объясняется это тем, что Екатерину окружали талантливые соратники Петра Великого, список которых возглавлял Александр Данилович Меншиков — самородок, обладавший самыми разнообразными талантами. За ним следовали незаурядный по способностям и образованию генерал-прокурор Сената Павел Иванович Ягужинский, ловкий дипломат Петр Андреевич Толстой, знавший свое дело адмирал Федор Матвеевич Апраксин и др. Выпестованные Петром I, они по-своему пытались продолжить его политику и оказались способными более или менее объективно

оценить ситуацию, в которой оказалась Россия. Запущенная Петром I государственная машина — пускай и натужно, со скрипом, то и дело пробуксовывая — продолжала работать и после смерти царя-реформатора.

Глава первая.

Наложница в супругах царя

В 1702 году русские войска под командованием фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева овладели Мариенбургом (ныне Алуксне в Латвии) — небольшой крепостью, оказавшей тем не менее упорное сопротивление. Затянувшаяся на двенадцать дней осада объяснялась тем, что крепость стояла на острове и, чтобы овладеть ею, надобно было преодолеть двухсотметровое водное пространство. Еще до того, как плоты подошли к берегу, осажденные численностью в 1000–1200 человек, по словам современников, «ударили в барабаны, и просили срок, и прислали письма». Однако фельдмаршал счел условия капитуляции неприемлемыми и продолжал бомбардировку. Гарнизон стал сговорчивее — комендант и офицеры сдались, вручив фельдмаршалу шпаги.

*Аргунов Иван Петрович. Портрет фельдмаршала
графа Бориса Петровича Шереметева*

Ок. 1750 г. Холст, масло. Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург.

Побед, подобных Мариенбургской, в ходе

Северной войны было одержано великое множество. Но эта приобрела особое значение. Дело в том, что среди трофеев, захваченных в крепости, оказалась служанка пастора Глюка Марта, будущая супруга Петра Великого и императрица России, получившая после принятия православия имя Екатерина Алексеевна.

Похоже, что Марта родилась в шведских владениях. Свидетельство на этот счет — правда, косвенное — исходит от самого царя. Петр, как известно, отмечал взятие древнерусского Орешка (по-шведски — Нотебург), переименованного в Шлиссельбург. 11 октября 1718 года, находясь в Шлиссельбурге, он писал супруге: «Поздравляю вас сим счастливым днем, в котором русская нога в ваших землях фут взяла и сим ключом много замков отперто». В десятую годовщину Полтавской виктории, 27 июня 1719 года, Петр вновь в шуточной форме выразился в письме супруге в том смысле, что эта победа не должна доставить ей радость: «Чаю, я вам воспоминовеньем сего дня опечалил». Оба письма намекают на рождение пленницы либо в Прибалтике, принадлежавшей Швеции, либо в самой Швеции. Эту версию подтверждает также шуточный разговор царя с супругой, будто бы состоявшийся в 1722 году (то есть уже после заключения победоносного мира, завершившего

Северную войну) во время обмена пленными.

— Как договором поставлено всех пленных возвратить, то не знаю, что с тобой будет, — начал царь.

Екатерина нашла, что ответить:

— Я ваша служанка, делайте, что угодно. Не думаю, однако же, чтобы вы меня отдали, мне хочется здесь остаться.

— Всех пленников отпущу, о тебе же условятся с королем шведским, — заключил разговор Петр¹.

Разговор этот происходил в то время, когда бывшая пленница сама сумела пленить сердце русского царя и стала его супругой. Но в 1702 году «чернобровая жена», как называл Пушкин Екатерину I, поначалу затерялась в толпе гражданских пленников и пленниц.

О происхождении Марты и о том, как она оказалась наложницей царя, существует множество легенд, появившихся преимущественно уже после того, как Екатерина стала сначала супругой царя, а затем и императрицей. Впрочем, одну из этих легенд занес в свой дневник еще в 1710 году датский посланник Юст Юль. Он приводит довольно

романтическую историю. По его словам, Марта родилась от родителей весьма низкого происхождения в Лифляндии, в маленьком городке Мариенбурге, служила в Дерпте горничной у местного суперинтенданта Глюка и была помолвлена с шведским капралом Мейером. Свадьба их состоялась 14 июля 1704 года — как раз в тот день, когда Дерпт оказался в руках русского царя.

Когда русские вступили в город, Марта в полном подвенечном уборе попала на глаза одному русскому солдату. Увидев, что она хороша собой, и сообразив, что ее можно выгодно продать (ибо в России продавать людей — дело обыкновенное, замечает датский дипломат), солдат силою увел ее с собой в лагерь. Впрочем, он продержал ее там всего несколько часов, так как испугался наказания: хотя увод жителей силою и был в обычае, вновь разъяряет Юст Юль, он воспрещался приказом под страхом смертной казни. Чтобы избежать наказания и боясь зависти товарищей, а также желая угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил пленницу ему.

Капитан принял девушку с благодарностью, но, в свою очередь, захотел воспользоваться ее красотой, чтобы попасть в милость при дворе. Он привел ее к царю как к известному ценителю

женщин, надеясь стяжать этим подарком особое расположение царя и получить высший чин. Царю пленница понравилась с первого взгляда, и уже через несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницей. Впрочем, поначалу он пренебрегал ею, и лишь позднее, когда она родила ему сына, царь привязался к ней по-настоящему².

В этом рассказе неверно практически все: начиная от времени, когда Марта попала в плен, и кончая обстоятельствами, при которых она оказалась у царя.

Другой рассказ принадлежит французскому офицеру Францу Вильбуа, поступившему на русскую службу еще в 1698 году и проведенному на ней полвека (он вышел в отставку в чине вице-адмирала в 1747 году, а умер в 1760 году). Несмотря на то, что этот рассказ был составлен уже после смерти Екатерины, он выглядит значительно более достоверным, хотя и в нем немало сомнительного. По словам Вильбуа, происхождение Екатерины долгое время оставалось неизвестным даже для нее самой, несмотря на то что в течение двадцати лет Петр занимался поисками и разысканиями на этот счет. Лишь за три месяца до смерти Петра, то есть в конце октября 1724 года, выяснилось, «что ее звали Скавронская, что родилась она в Дерпте

в 1686 году и что крестили ее в том же году в католическом костеле». Ее родители, крепостные крестьяне-беженцы из Польши, переехали в Дерпт, а оттуда в Мариенбург, где вскоре умерли от чумы. Марта оказалась в услужении у лютеранского пастора Глюка, «суперинтенданта, или архипастыря этой провинции», супруга которого воспитывала ее наравне с двумя своими дочерьми до шестнадцатилетнего возраста. «Когда та достигла этого возраста, — пишет Вильбуа, — хозяйка решила, судя по поведению девушки, что ей скоро наскучит ее положение». «Предполагают, — разъяснял он в примечании, — что суперинтендант заметил, что, с одной стороны, его старший сын смотрел на эту служанку слишком благосклонно, чему не подобало быть в доме священника, а с другой стороны, девушка была не безразлична к тем взглядам, которые бросал на нее молодой человек, если эта игра уже не зашла дальше». Одним словом, пастор поспешил выдать Марту замуж за шведского солдата-брабанта из Мариенбургского гарнизона. Однако спустя всего два дня после свадьбы тот вынужден был покинуть свою жену, чтобы присоединиться к шведскому войску. Марта осталась в услужении у пастора Глюка. Вместе с пастором она оказалась в Мариенбурге, когда город неожиданно был осажден войсками фельдмаршала Шереметева.

О том, как Марта попала к царю, Вильбуа рассказывает так. Жители города отправили монсеньора Глюка к Шереметеву, чтобы добиться от того приемлемых условий капитуляции. Глюк был принят фельдмаршалом вместе со всей своей семьей и слугами, в числе которых находилась и Марта, на которую фельдмаршал обратил особое внимание. «Узнав, что она была служанкой, он решил взять ее себе против ее воли и невзирая на укоры монсеньора. Таким образом, она перешла из дома господина Глюка в дом фельдмаршала Шереметева... Прошло шесть или семь месяцев... когда в Ливонию приехал князь Меншиков, чтобы принять командование русской армией вместо Шереметева, который получил приказ срочно прибыть к царю в Польшу. В спешке он вынужден был оставить в Ливонии всех тех своих слуг, без которых мог обойтись. В их числе была и Екатерина. Меншиков видел ее несколько раз в доме Шереметева и нашел ее полностью отвечающей его вкусу. Меншиков предложил Шереметеву уступить ему ее. Фельдмаршал согласился, таким образом она перешла в распоряжение князя Меншикова, который в течение всего времени, проведенного ею в его доме, использовал ее так же, как тот, от кого он ее получил, то есть для своих удовольствий... Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга... в Ливонию, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в

числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутивную речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутивном тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица... провела ночь в комнате царя».

Некоторые авторы не без основания полагают, что Меншиков с самого начала взял у Шереметева Марту не для себя, а для царя. Дело в том, что у него не сложились отношения с тогдашней фавориткой Петра Анной Монс, и он, зная вкусы своего патрона, посчитал, что Марта вполне сможет заменить ее. И Александр Данилович не ошибся в своих расчетах.

По словам Вильбуа, Петр, проведя ночь с Мартой, утром уехал. «Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (10 франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании. Однако он не проявил по отношению к ней

меньше обходительности, чем ко всем персонам ее пола, которых он встречал на своем пути, — пишет Вильбуа, — так как известно (и он сам об этом говорил), что, хотя он установил эту таксу как плату за свои любовные наслаждения, данная статья его расходов к концу года становилась значительной». Однако Петр не забыл ласок меншиковской пленницы. Вернувшись вскоре в Ливонию, он нашел случай вновь пообщаться с ней и затем забрал Марту к себе. «Без всяких формальностей он взял ее под руку и увел в свой дворец. На другой день и на третий он видел Меншикова, но не говорил с ним о том, чтобы прислать ему ее обратно. Однако на четвертый день, поговорив со своим фаворитом о разных делах... когда тот уже уходил, он его вернул и сказал ему, как бы размышляя: „Послушай, я тебе не возвращу Екатерину, она мне нравится и останется у меня. Ты должен мне ее уступить“». Меншиков дал свое согласие кивком головы с поклоном и удалился...»³

Наибольшие расхождения между мемуаристами можно обнаружить в свидетельствах о происхождении Марты и о ее родителях. Датой ее рождения признается 1683 год, хотя называют и 1685-й, и 1686-й. В сознании современников никак не укладывалось, что супруга царя и императрица могла происходить из простонародья. По мнению

большинства, в ее жилах непременно должна была течь благородная кровь, и молва упорно приписывала ей если не знатное происхождение матери, то по крайней мере дворянскую кровь отца. Перечень мифических родителей Екатерины пространен. Назовем лишь главнейших.

По словам Вебера, Екатерина была незаконнорожденной дочерью подполковника шведской армии Розена от его крестьянки. Оба они рано умерли, и сирота оказалась на попечении пастора Глюка. Шведский придворный проповедник Нордберг, взятый в плен в 1709 году под Полтавой, полагал, что отцом Екатерины был шведский полковник квартирмейстер Иоганн Рабе, женившийся на некой уроженке Риги. После смерти родителей Марта оказалась в сиротском доме, откуда ее и взял Глюк. Тот же Нордберг привел и другие сведения, основанные на устном рассказе: мать Екатерины вышла в Швеции замуж за одного унтер-офицера и после его смерти уехала в Эстляндию, а затем во время «великого голода в 1697 году удалилась в Лифляндию, где искала пропитание у дворян и пасторов. Таким образом пришла она к пробсту Глюку, который недели две держал ее в своем доме, но потом отпустил; Екатерину же оставил у себя».

Австрийский посланник Б. Рабутин в депеше

от 28 сентября 1725 года изложил иную версию происхождения императрицы, которая будто бы была незаконнорожденной дочерью лифляндского дворянина фон Афендаля от его крепостной служанки; она родилась в 1683 году, а после смерти матери была взята Глюком. О версии Франца Вильбуа мы говорили выше.

Трудно предположить, чтобы Екатерина действительно ничего не знала ни о своих родителях, ни о родственниках. При жизни Петра по крайней мере однажды она проявила интерес к этой теме, поручив комиссару в Курляндии Петру Бестужеву разыскать своих родственников. Но это ее желание довольно быстро угасло.

Случилось так, что не царица отыскиала своих родственников, а, наоборот, одна из ее родственниц нашла ее и представилась ей. Это случилось в 1721 году в Риге, где тогда пребывала супруга царя. К ней обратилась женщина, назвавшаяся ее сестрой Христиной. По словам рижского генерал-губернатора А. И. Репнина, «та женка была у ее величества и паки отпущена в свой дом», причем ей было выдано 20 червонных.

Активные поиски своих родственников Екатерина начала уже после смерти супруга. 16 октября 1725 года французский посол Кампредон сообщал своему двору: «Не знаю, справедливы ли

ходящие по городу темные слухи о прибытии сюда с семейством одного из братьев царицы. Это, кажется, человек очень низкого происхождения и грубого нрава»⁴.

В историографии принято считать пленницу из Мариенбурга Мартой Скавронской⁵. На первый взгляд для этого имеются веские основания: сама Екатерина указом от 5 января 1727 года пожаловала двум братьям Скавронским графское достоинство, тем самым признав их своими братьями.

Однако еще Н. А. Белозерская в 1902 году обратила внимание на некоторые обстоятельства, позволяющие усомниться в бесспорности такого утверждения. Во-первых, возникает вопрос: почему Петр I в своем завещании 1708 года назвал Екатерину не Скавронской, а Василевской? Кстати, под этой фамилией Екатерина упоминается и в донесении П. Бестужева в 1715 году. Во-вторых, немало вопросов вызывает отношение Екатерины к Христине Гендриковой (до замужества Скавронской или Сковоронской) — той самой женщине, которая в 1721 году объявила себя сестрой императрицы. Почему Екатерина, наградив ее двадцатью червонными, в течение нескольких лет не проявляла к ней никакого интереса, пока та сама не напомнила о своем

существовании? В ответ на это напоминание Екатерина повелела «содержать упомянутую женщину и семейство ее в скромном месте, дать им нарочитое пропитание и одежду и приставить к ним поверенную особу, которая могла бы их удерживать от пустых рассказов»⁶.

Если бы рижский генерал-губернатор А. И. Репнин был уверен, что Христина действительно является родственницей императрицы, вряд ли бы он назвал семью Гендриковых людьми «глупыми и пьяными» и рекомендовал, чтобы «от них больше врак не было», «взять оную женщину с фамилиею в Русь и содержать в таком месте, где про них не знают».

Екатерина, однако, велела кабинет-секретарю отправить в Ригу курьера «для некоторого важного дела», под которым подразумевалась доставка в столицу всего семейства Скавронских-Гендриковых. Но означало ли это признание ее своей сестрой?

Возникают и другие вопросы, на которые историки не могут дать ответа. Например, как случилось, что Марта попала в сиротский дом, откуда ее взял в услужение пастор Глюк, а ее родные братья оказались крестьянами? И почему к расспросам о родственниках царицы не был подключен пастор Глюк, который, несомненно,

мог располагать достоверными сведениями на этот счет? (Попавший в Россию после взятия Мариенбурга, пастор Глюк поселился в Москве, где создал по поручению Петра первую в России гимназию.) Вызывает недоумение и тот факт, что Екатерина так и не возвела в графское достоинство Христину Гендрикову, которая первой объявила себя ее сестрой, оставив это своей дочери Елизавете.

Острословы говорят, что есть такие вопросы, на которые не может дать ответ целая дюжина мудрецов. Но историк должен опираться на достоверные факты. Фактом же является лишь то, что сами Скавронские объявили себя родственниками Екатерины, и Екатерина признала это. Но одного такого признания недостаточно. На наш взгляд, вопрос о родословии Екатерины Алексеевны требует все же дополнительных разысканий.

*

Во взаимоотношениях Петра и Екатерины нетрудно выделить два периода. Первый падает на то время, когда Екатерина была любовницей царя. Этот период продолжался до 6 марта 1711 года, когда Петр перед отправлением в Прутский поход тайно обвенчался с Екатериной и нарек ее своей законной супругой. С этого времени положение Екатерины заметно меняется, что

отчетливо прослеживается в переписке царя и его возлюбленной.

Худ. Годфри Неллер; гравер П. Шенк Портрет Петра I

Гравюра. Голландия, 1782 г. Морозов А. В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1913, Т. 3.

Здесь уместно отметить, что Екатерина Алексеевна до конца своих дней оставалась неграмотной. Поэтому из содержания ее писем невозможно вычлениить ее собственные слова, мысли и чувства, растворяющиеся в казенных фразах тех грамотеев, которые от ее имени сочиняли царю «цидулки» (как в то время называли письма). Эти «цидулки» просто несопоставимы с письмами к супруге самого Петра, которые поражают непосредственностью, оригинальностью и страстностью, — как будто их автор не умудренный опытом мужчина, а юноша, только что безумно влюбившийся в приглянувшуюся ему девицу. Письма царя передают всю гамму охватывавших его чувств: внимательность, предупредительность, заботливость. Чувства эти выражались не столько в не отличавшихся щедростью подарках, сколько в трогательной заботе о безопасности Екатерины, о максимуме удобств, которые его стараниями предоставлялись ей во время поездок, в нетерпеливом ожидании свиданий.

На первых порах Екатерина вполне устраивала Петра в качестве наложницы, обладавшей богатырским здоровьем (ухудшится оно много позже), готовой без труда переносить

изнурительную походную жизнь, лишенную всякого комфорта и по его первому зову преодолевать многие сотни верст, чтобы поскорее ублажить любовника. Екатерина отличалась незаурядной физической силой, что тоже было полезно в условиях бездорожья. Камер-юнкер Берхгольц описал в своем дневнике эпизод, демонстрирующий физическое превосходство Екатерины над мужчинами: во время свадебных торжеств сына канцлера Головкина и дочери князя-папы Ромодановского в апреле 1722 года Петр в качестве свадебного маршала поднимал в руках тяжелый жезл. Своему денщику Бутурлину он приказал поднять жезл и удерживать его на вытянутой руке за один конец. Тот, как ни старался, сделать этого не мог. «Тогда его величество, зная, как сильна рука у императрицы, подал ей через стол жезл. Она привстала и с необыкновенной ловкостью несколько раз подняла его над столом прямою рукою, что всех нас немало удивило»⁷. По словам Вильбуа, в отличие от большинства женщин Екатерина любила звон оружия, великолепно ездил на верхом: «Немногие умели пришпорить лошадь с такой грациозностью, как она».

Сохранилось 170 писем Петра к Екатерине. Они дают возможность проследить, как постепенно Екатерина Алексеевна завоевывала сердце царя, как общение с нею становилось для

Петра насущной необходимостью, как менялась тональность писем и как на смену фамильярно-грубому: «Матка, здравствуй» приходило ласковое: «Катеринушка, друг мой, здравствуй» и еще более нежное: «Катеринушка, друг мой сердешенкой, здравствуй».

Первые из сохранившихся писем Петра к Екатерине датированы 1707 годом. Причем адресованы они были не лично ей, а «тетке» и «матке». «Тетка» — Анистья Кирилловна Толстая, приставленная к царской наложнице для ухода и присмотра. «Матка» — сама Екатерина Алексеевна. Маткой — то есть матерью — она стала еще ранее 1707 года, которым датируются первые дошедшие до нас письма Петра. Еще в 1703–1704 годах она родила двух сыновей, однако оба они умерли совсем маленькими. В 1706 году она родила дочь Екатерину, а в 1708 и 1709 годах — еще двух дочерей: сначала Анну, затем Елизавету, будущую императрицу. Всего же у нее было одиннадцать детей, но все они, за исключением двух цесаревен, умерли в детстве⁸.

Музыкайский Григорий Семенович Миниатюра на эмали: Портрет семьи Петра I. Царевич Алексей стоит в центре рядом с Екатериной Алексеевной

1716–1717 гг. Медь, эмаль, роспись. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

К 1706 году относится крещение Екатерины в православную веру. Тогда она и получила отчество Алексеевна, ибо в роли крестного отца выступил сын Петра царевич Алексей.

Последнее письмо, адресованное «тетке» и «матке», Петр отправил 7 февраля 1709 года. Следующие письма, по 1711 год включительно, царь писал одной «матке», а «тетке» передавал лишь поклоны. Эта по сути незначительная деталь достойна внимания, поскольку отразила растущую близость царя к фаворитке. Содержание «цидулок» тоже свидетельствует о растущем влиянии Екатерины на царя. Первые «цидулки» однообразны по содержанию: в них отчетливо прослеживается не терпящее отлагательства страстное желание Петра встретиться с возлюбленной. Петр четко указывает место встречи, а иногда и маршрут, которого для безопасности должна придерживаться путешественница. Его повеления схожи с приказами офицера солдату. Вот образцы эпистолярного наследия Петра этих лет. Из Жолквы 6 февраля 1707 года: «Как к вам сей доноситель приедет, поезжайте сюды, не мешкав». 20 марта 1708 года: «Для Бога приезжайте скорее». 7 февраля 1709 года из Ахтырок: «По получении сего письма поезжайте

немедленно в Белгород».

В последующих письмах царь уже делится с возлюбленной своими планами, сообщает о сражениях и одержанных победах, проявляет заботу о детях, посылает подарки, призывает к осторожности во время поездок, объясняет, почему задержался с ответом. В письме, отправленном из лагеря у Черной Наппы 31 августа 1708 года, царь объяснил свое молчание тем, что «пред очми непрестанно неприятные гости, на которых уже нам скучило смотреть». А дальше пишет об одержанной трудной победе: «Как стал служить, такой игрушки не видал, однакож сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцовали». Так образно и с иронией Петр сообщал о победе, одержанной русскими войсками под командованием князя М. М. Голицына у деревни Доброй 30 августа 1708 года. Когда о поражении шведского войска донесли королю, тот немедленно поскакал на выручку, но было уже поздно, — после разгрома шведов Голицын организованно отвел свои полки с поля сражения под защиту укреплений. Аналогичного содержания письмо царь отправил за несколько дней до битвы у Лесной: «Не подивуйте, что долго не ответствовал, ибо довольно здесь иного дела, и теперь неприятеля увидели». В письме Петра Екатерине от 27 июня 1709 года отсутствуют личные мотивы, нет обычного

сетования на тяжесть разлуки; оно посвящено радостному событию, практически решившему исход войны, — «преславной виктории» у стен Полтавы.

Важнейшие события этих лет нашли отражение в посланиях Петра к Екатерине, причем в них сквозит юмор и торжество удачливого полководца. Вместо казенных слов о том, что посаженный на польский трон Карлом XII Станислав Лещинский бежал из Польши, как только получил известие о разгроме шведов под Полтавой, Петр воспользовался запоминающимся образом: Станислав Лещинский «бороду отпустил для того, что корона его умерла».

Зная не понаслышке о превратностях войны и возможной гибели на поле брани, Петр позаботился о будущей судьбе фаворитки и прижитых с нею детей. 5 января 1708 года он составил записку-завещание, правда, не отличавшуюся особой щедростью: в случае своей гибели велел дать «Катерине Василевской [Екатерине Алексеевне] и с девочкою [с дочерью Анной]» три тысячи рублей.

Перемена в обращении к Екатерине, а равно и в содержании «цидулок» царя наступила после венчания, состоявшегося накануне отъезда Петра к армии, двигавшейся к южным границам, чтобы

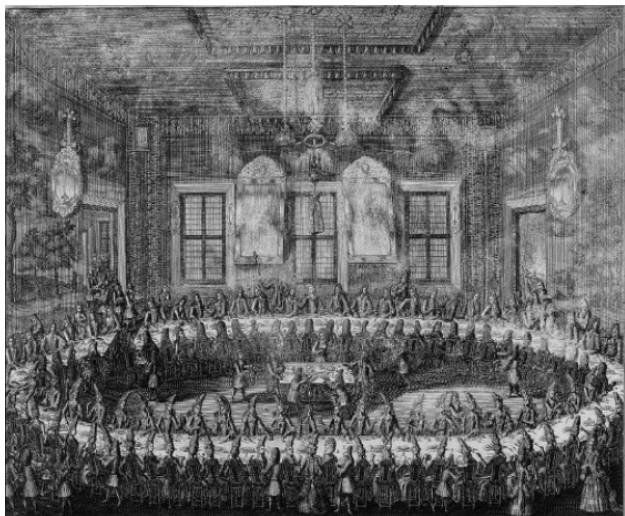
отразить нападение турок. Широкой огласки это венчание не получило. Но приближенные царя о нем конечно же знали. Показательно, что А. Д. Меншиков сразу же изменил форму обращения к Екатерине Алексеевне в своих письмах. Еще 12 марта 1711 года он обращался к ней так: «Катерина Алексеевна! Многолетно, о Господе, здравствуй». А уже 30 апреля 1711 года писал: «Всемиловитейшая государыня царица» — и величал дочерей Екатерины царевнами.

Екатерина Алексеевна сопровождала царя во время Прутского похода и поделила с ним все тяготы изнурительного перехода от Днестра к Пруту по испепеленной солнцем безводной степи. «Царь передавал мне, — записывал позднее датский дипломат, — что сам видел, как у солдат от действия жажды из носа, из глаз и ушей шла кровь, как многие, добравшись до воды, опивались ею и умирали, как иные, томясь жаждою и голодом, лишали себя жизни». Еще 9 июня Петр предложил Екатерине оставить армию и отправиться в Польшу, где можно было в безопасности и не терпя лишений ожидать конца похода. Но та наотрез отказалась это сделать.

Екатерина поддерживала супруга в самые тяжелые минуты пребывания в осажденном турками лагере. Молва приписала именно ей спасение армии от пленения или разгрома. В охватившей всех панике она не растерялась,

сняла с себя драгоценности и обратилась к женам, сопровождавшим офицеров в походе, с просьбой ради спасения себя и армии расстаться с бриллиантами и золотом. Все это было преподнесено турецкому сераскиру в качестве взятки. Прутский мир стоил сераскиру жизни, но царская чета и армия были спасены.

Печальные итоги Прутского похода известны. По заключенному с турками договору Россия теряла все, что с таким трудом было добыто во время второго Азовского похода. Это, однако, не помешало Петру отпраздновать 19 февраля 1712 года свадьбу.

Зубов Алексей Федорович Свадьба Петра I и Екатерины
Алексеевны 19 февраля 1712 года в Петербурге

Гравюра, 1712 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Сочетаться браком с безвестной пленницей и пренебречь при этом невестами боярского рода или принцессами западноевропейских дворов было вызовом обычаям, отказом от освященных веками традиций. Но Петр позволял себе и не такие вещи. Объявляя Екатерину супругой, он думал также о будущем прижитых с нею дочерей — Анны и Елизаветы: «...еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы, ежели сироты останутца, лутче бы могли свое житие иметь».

Английский посол Витворт в депеше, отправленной сразу же после свадебных торжеств, писал: «Вчера царь публично праздновал свое бракосочетание с царицей Екатериной Алексеевной. Его величество за два часа до своего отъезда прошлою зимою из Москвы пригласил к себе вдовствующую царицу, родную сестру Наталию и двух сводных сестер и объявил им Екатерину Алексеевну царицей. Он им сказал, что они обязаны оказывать ей должное этому сану почтение, и, если бы с ним случилось несчастье во время войны, дать ей титул, почести и содержание, какие обыкновенно присваиваются вдовствующим царицам, потому

что она действительно его супруга, хотя он еще не имел времени совершить по обычаю церковный обряд, который будет им исполнен при первом удобном случае».

Венчался Петр не по царскому чину, но как контр-адмирал. Поэтому все почетные должности исполняли не гражданские сановники, а морские офицеры и их жены.

*

Какими же свойствами природы Екатерина сумела завоевать любовь и глубокое уважение незаурядного человека? Скорее всего, не внешностью — красавицей ее назвать затруднительно. И не высоким интеллектом — выше упоминалось, что она до своей кончины оставалась неграмотной и, оказавшись на троне, не проявила качеств, свойственных государственному деятелю. В годы ее царствования указы от ее имени подписывала ее младшая дочь, цесаревна Елизавета. Правда, сказать, что Екатерина была совсем лишена способностей, по-видимому, нельзя. По свидетельству Вильбуа, «не умея ни читать, ни писать ни на одном языке, она говорила свободно на четырех, а именно на русском, немецком, шведском, польском, и к этому можно добавить еще, что она понимала немного по-французски».

Неизвестный художник Портрет Екатерины I

Первая четверть XVIII в. Холст, масло.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Объяснение привязанности Петра, вероятнее

всего, надобно искать в ее душевных качествах. Природой она была наделена внутренним тактом, тонким пониманием характера своего вспыльчивого и сурового супруга, добротой и снисходительностью к порокам других, одним словом, свойствами, которыми был отчасти обделен ее царственный супруг.

Когда царь находился в состоянии ярости, что с ним нередко случалось, никто, кроме нее, не отваживался его успокоить. Кажется, она одна имела влияние на своего супруга, могла без страха смотреть на его искаженное гневом лицо.

Владевший пером граф Бассевич описал способность Екатерины внушать спокойствие раздраженному супругу: «...она имела власть и над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать тогда от гнева. Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая сестра София. Появления их узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том.

Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его; потом сажала его и брала,

лаская за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После этого он просыпался совершенно свежим и бодрым».

Блеск двора не затмил в ее памяти воспоминаний о происхождении. Это, однако, не мешало ей без особых усилий, легко и непринужденно справляться с ролью супруги великого человека, пользовавшегося в Европе репутацией блестящего знатока артиллерии, кораблестроения, астрономии и других наук, а также выдающегося полководца и государственного деятеля. Казалось, будто к этой роли ее готовили с молодых ногтей. «Царь, — писал современник, — не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся — один величием своей простоты, другой — своей роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась». Другой иностранный дипломат тоже отметил внимательность и нежность царя к супруге:

«После обеда царь и царица открыли бал, который продолжался около трех часов; царь танцевал с царицей и маленькими царевнами и много раз целовал их; при этом случае он обнаружил большую нежность к царице и, можно сказать, по справедливости, что, несмотря на неизвестность ее рода, она вполне достойна на милости такого монарха». Далее дипломат описывает внешность Екатерины. Его описание совпадает с портретным изображением царицы. «В настоящую минуту (имеется в виду 1715 год. — *Н. П.*) она имеет приятную полноту, цвет лица ее весьма бел с примесью природного, несколько яркого румянца, глаза у нее черные, маленькие, волосы такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное»⁹.

Существует, однако, и диаметрально противоположная оценка внешности царицы. Она принадлежит маркграфине Байрейтской и относится, видимо, к 1716 году: «У нее наружность вульгарна и цвет лица смуглый, талия толстая; разряженная безвкусно, она была увешана ожерельями, драгоценностями и образками, звенящими, когда она идет»¹⁰.

Страсть Екатерины I к роскоши и украшениям отметил и известный историк и публицист второй половины XVIII столетия князь М. М.

Щербатов. Он не был современником императрицы и пользовался воспоминаниями о ней людей старшего поколения. Ничего примечательного в кратковременном царствовании Екатерины Щербатов не обнаружил, «окроме, что вывоз разных драгоценных уборов и вин весьма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло». «Любила она и тщилась, — писал Щербатов, — украшаться разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения носить, яко то убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяла убирать левую сторону; запрещено стало носить горностаевые меха с хвостиками, которые она одна носила...»¹¹

Оценка Екатерины I, как, впрочем, и всех прочих преемников Петра Великого, вполне отражена в названии сочинения Щербатова: «О повреждении нравов в России». Цель сочинения — доказать, что по мере европеизации страны умножилась тяга к роскоши, расточительности, разврату и прочим порокам, свойственным Западу. Эта цель буквально затемняла глаза Щербатову, и ему лишь изредка удавалось разглядеть положительные явления в жизни страны. Об этом всегда надо помнить, когда доводится читать его язвительные оценки, в

частности, царствования Екатерины I, сопровождавшегося — о чем нельзя забывать — и некоторыми полезными новшествами.

Какому из двух приведенных выше описаний внешности Екатерины Алексеевны надлежит отдать предпочтение? Думается, оба они, несмотря на наличие исключаящих друг друга оценок, имеют право на существование, в особенности если учесть принадлежность к полу автора второго описания и ее аристократическое происхождение.

Нет ничего удивительного в том, что Екатерина Алексеевна своей внешностью не потрафила взыскательным вкусам маркграфини — ее утонченность и наблюдательность заметили то, что укрылось от взгляда мужчины, не искушенного в секретах, какими пользуются дамы, чтобы совершенствовать свою внешность, скрыть ее недостатки. Заметим, к полноте талии дипломат отнесся весьма снисходительно, видимо, она вполне соответствовала его вкусам, в то время как маркграфиня эту же полноту осудила; маркграфиня и дипломат отметили разный цвет лица — смуглый и белый, что тоже может быть объяснено количеством в разное время использованных белил и румян. Истина на стороне маркграфини в одном — Марта во время пребывания в доме пастора в качестве служанки или у Шереметева в качестве портомойки не

могла обучиться утонченным манерам и светскому обхождению. Отсюда излишества в использовании драгоценных украшений и безвкусица в нарядах. Что касается Петра, то он подобные мелочи игнорировал, не придавал им значения, находясь в плену обаяния своей супруги.

Первое письмо с обращением: «Катеринушка, друг мой, здравствуй!» — Петр отправил из Познани 3 сентября 1711 года. Начиная с 1716 года царь использует еще более нежное обращение: «Катеринушка, друг мой сердешненкой, здравствуй!» Поменялись не только слова. Характерный пример: «матка», как прежде Петр именовал в своих письмах Екатерину, получила подарок единственный раз — царь прислал ей какое-то количество лимонов. «Катеринушку» же он одаривал намного чаще. Из Карлсбада 14 сентября 1711 года Петр писал: «Посылаю при сем часы... новой моды». 2 октября 1712 года из Берлина: «Посылаю тебе, сколько мог сыскать, устерсов [устриц]». Спустя несколько дней из Лейпцига: «Платье и прочее вам куплено, а устерсов достать не мог».

Желание доставить удовольствие супругу проявляла и Екатерина. Она баловала Петра то отечественным «крепышом» (водкой), то изысканными европейскими винами.

Петр никогда не забывал позаботиться об удобствах и безопасности супруги во время ее бесконечных поездок. После родов Екатерине предстояло ехать в Амстердам, где находился Петр. Нуждавшейся в покое супруге царь рекомендовал отправиться в путь «осмотрясь, буде без вреда будет езда». В следующем 1718 году он предупреждал ее, чтобы она не ехала той дорогой, которой ехал он, «понеже лед худ, и мы гораздо с нуждою проехали». Особенно впечатляет забота Петра о супруге, проявленная в феврале — марте 1723 года, когда та следовала из Москвы в Петербург. Петр отправил одно за другим три письма с предупреждениями, какой опасности она подвергает свою жизнь, преодолевая реки с рыхлым льдом: «Дорога зело худа и реку Шошу с трудом переехали, того ради вели чрез оную себя в маленьких санях людям перевезть», а не лошадьми. При переезде через другую речку Петр рекомендовал отказаться от использования даже маленьких саней, а перейти ее пешком.

Екатерина отвечала взаимностью. После Полтавы боевые действия против неприятеля переместились с суши на море. Находившийся на флагманском корабле «Ингерманланд» Петр подвергал свою жизнь опасности не только от встреч с неприятельскими кораблями, но и от штормов, возможности напороться на рифы и т.

д. Екатерина не уставала повторять, чтобы он берег себя. Супруг отшучивался: «Ты меня хотя и жалеешь, однако ж не так (понеже с 800 верст отпустила) как жена господина Тоуба [шведского флотоводца], которая ево со всем флотом так спрятала [в шхерах], что не только ево видим, но мало и слышим». Однажды случился такой сильный шторм, что несколько кораблей разбилось в щепы, и, как говаривал Петр, «Нептуну были учинены жертвы». Чтобы не волновать жену, Петр запретил своим близким рассказывать ей о катастрофе.

Столь трогательные подробности частной жизни царственных супругов свидетельствуют о глубокой привязанности Петра к Екатерине. Закономерным следствием этого стало его решение о коронации Екатерины, принятое в 1724 году.

*

С наследниками у Петра явно не ладилось. Его старший сын Алексей, рожденный от нелюбимой первой супруги, как известно, погиб в заточении в 1718 году, по всей вероятности, не выдержав пыток. После его смерти царь объявил наследником трехлетнего Петра Петровича — «шишечку», как его ласково называли в семье, родившегося у Екатерины в 1715 году.

Луи (Людовик) Каравакк Портрет царевича Петра Петровича в виде Купидона

1716 (?). Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея, Москва.

Однако с кончиной маленького царевича в

апреле 1719 года (это событие стало одним из самых печальных в их семейной жизни) вновь встал вопрос о наследнике. Кому Петр должен был передать трон, а вместе с ним и судьбу начатых им преобразований? Супруге? Одной из дочерей? Или же внуку, сыну царевича Алексея Петровича Петру Алексеевичу?

Последний остался круглой сиротой после смерти отца, когда ему не было еще и трех лет. Заботу о маленьком великом князе возложила на себя сердобольная Екатерина. В 1719 году она назначила к нему учителем своего пажа Семена Афанасьевича Маврина, которого сменил Иван Алексеевич Зейкин, приставленный к великому князю уже самим царем, естественно, более компетентным в этой области. При жизни Петр относился к внуку неоднозначно: он то проявлял нежность к сироте, то, вглядываясь в лицо ребенка, находил в нем черты столь не любимого им сына.

После долгих сомнений и размышлений Петр остановил свой выбор на супруге и осуществил три акта, долженствовавших подготовить подданных к восприятию замысла. Первый из них связан с обнародованием в 1722 году, за три года до кончины царя, Устава о наследии престола. В нем Петр возводил семейное право в ранг государственного. Порядок престолонаследия, которого придерживались

предки, назначая преемником старшего из сыновей, был назван «недобрым обычаем». Устав отменял принцип первородства и ставил назначение наследника в зависимость от воли царствующего государя. Причем рукою Петра в окончательную редакцию Устава было внесено существенное дополнение: государь, назначив себе преемника, мог изменить свое решение, если обнаруживал, что наследник не оправдывает его надежд. Устав о наследии престола заимствовал нормы, провозглашенные Указом о единонаследии 1714 года, предоставлявшим родителю право завещать недвижимое имение любившемуся ему сыну, не обязательно старшему, в то время как движимое имущество (крестьяне, скот) делилось между остальными сыновьями.

Петр придавал этому акту огромное значение. Видимо, не рассчитывая на беспрекословное его выполнение вельможами после своей смерти, он потребовал от них скрепить свою подписью клятвенное обещание: «...и тот его величества Устав истинный и праведный призваны и по силе того Устава определенному в наследство во всем повиноватися... и во всяком случае за оного стоять с положением живота своего буду...». Сопrotивление объявленному порядку наследования престола приравнялось к измене и влекло смертную казнь. Под клятвенным

обещанием стоит 12 подписей, среди которых две принадлежали духовным лицам и десять — сенаторам. Список сенаторов возглавил Меншиков.

Идея Устава о наследии престола навеяна делом царевича Алексея. Царя страшила мысль, что трон достанется наследнику, не склонному продолжать начатые им преобразования, что многолетний труд пойдет прахом и страна вновь превратится в европейское захолустье.

Второй шаг в этом направлении связан с обнародованием в 1723 году Манифеста с обоснованием прав Екатерины на титул императрицы. Екатерина Алексеевна в качестве супруги императора носила этот титул, но Петр пожелал поднести ей титул императрицы независимо от прав, которые предоставляли ей семейные отношения. Царь не поскупился на похвальные слова в адрес Екатерины, объявив, что она была его постоянной помощницей, терпела лишения походной жизни. Справедливости ради отметим, что Петр располагал крайне скудными данными, способными убедить читателей Манифеста в активной государственной деятельности своей супруги. Пришлось ограничиться единственным конкретным примером — упоминанием о ее участии в Прутском походе. Остальные заслуги претендентки на титул императрицы скрыты за

туманной фразой о том, что она была «ему во всем помощницей»[12](#).

Помимо Прутского похода, о котором речь шла выше, Екатерина еще дважды сопровождала царя, но скорее не в качестве помощницы, а в роли любительницы путешествий, как бы мы сейчас сказали, туристки. Она участвовала во втором заграничном путешествии Петра в 1716–1717 годах, но следов участия ее в дипломатических переговорах не обнаружено. Более того, роды и послеродовое состояние помешали ей посетить Париж и Версаль — конечным пунктом ее путешествия оказался Амстердам. В 1722 году Екатерина сопровождала царя в Персидском походе, завершившемся установлением контроля России над западным и южным побережьем Каспийского моря. Однако какими-либо сведениями о ее активной роли и в этом походе мы не располагаем.

Эпистолярное наследие не оставило сколько-нибудь убедительных свидетельств участия Екатерины в управлении государством, выполнения ею ответственных поручений супруга, вмешательства в дела с целью устранения погрешностей, ошибок и т. д. Только в шести письмах из ста семидесяти Петр обращается к супруге с просьбами-поручениями, причем все они столь ничтожны, что не дают ни

малейших оснований для зачисления ее в помощницы царя-реформатора.

В июле 1715 года царь пригласил супругу в Ревель и попросил ее, чтобы она в пути присмотрела в дворцовых владениях место, «где заводу стеклянному и двору для приезду удобно быть». Другие просьбы были и того мельче: об изготовлении корабельной постели для царя, о том, чтобы, едуци в Ладогу, прихватила чертеж 90-пушечного корабля. Екатерина также должна была уговорить прусского короля позировать русскому художнику Ивану Никитину, чтобы король убедился в наличии и в России талантливых живописцев¹³.

Коронационные торжества были намечены на 7 мая 1724 года и должны были пройти в Москве. Им предшествовала основательная подготовка.

8 февраля 1724 года Петр с Екатериной отправились принимать марциальные воды. Супружеская пара пользовалась курортом с 21 февраля по 15 марта и оттуда направилась в Москву, причем кратчайшим путем — через Ярославль, что позволило им прибыть в старую столицу неделю спустя, 22 марта. В Ярославле они посетили загородный дом известного мануфактуриста Ивана Тамеса и его бумажную мельницу.

В Москве уже всю кипела подготовка к торжеству, которое москвичи не видели много десятилетий. Из царских кладовых извлекали давно не употреблявшуюся посуду, а также кубки. В Грановитой палате, где раньше принимали иноземных послов, а теперь решили устроить торжественный обед, все обветшало и требовало спешного обновления: трон, балдахин, столы и лавки для гостей. В Успенском соборе, где по традиции должна была происходить сама церемония, иконы завешивали шпалерами, полы застилали коврами, сооружали помосты для многочисленных гостей. По царскому повелению в Москву прибыли сенаторы, члены Синода, президенты коллегий, генералитет, представители от губерний, придворные царицыного двора, иностранные министры. В церемонии участвовали дочери царствующих супругов — Анна и Елизавета, племянницы Петра герцогиня Курляндская Анна Иоанновна и герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, а также помолвленный с Анной Петровной герцог Голштинский. Улицы Москвы были украшены триумфальными арками, на площадях велась подготовка к невиданному фейерверку.

Всеми этими приготовлениями руководил главный маршал церемонии Петр Андреевич Толстой, загодя прибывший в Москву выполнять

ответственное поручение. От его внимания не ускользнула ни одна деталь готовившихся торжеств — он изо всех сил старался угодить Екатерине и осаждал письмами ее камер-юнкера В. И. Монса, испрашивая его советов по каждой мелочи, начиная от убранства собора и Грановитой палаты и кончая цветом мундиров пажей и гвардейцев, сопровождавших кортеж. В одном из ответных писем Монсу Толстой благодарил императрицу за высокую оценку его усердия и сообщал: «Со всяким моим прилежным попечением, презря мою болезнь, труждаюсь, чтобы во всем изволение ее величества исполнить»¹⁴.

Хлопотами был озабочен не только Толстой. Придворные дамы и жены вельмож сбились с ног в поисках портных, чтобы запастись богатыми платьями, мужья готовили новые мундиры. Больше всех празднество, надо полагать, волновало саму Екатерину Алексеевну. Для нее была изготовлена мантия из парчи, подбитая горностаями, с вышитым на ней двуглавым орлом. Из Парижа доставили роскошную карету.

Историки располагают двумя современными описаниями церемонии. Одно является официальным и написано тяжеловесным, неудобочитаемым языком. Другое принадлежит перу камер-юнкера герцога Голштинского Ф. В.